

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А44

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается.

Оформление обложки — *Александр Шпаков*

Акунин, Борис.
А44 Пелагия и чёрный монах : [роман] / Борис Акунин. —
Москва : Издательство АСТ, 2019. — 416 с. — (Провинциальный
детектив.)

ISBN 978-5-17-106166-1

«Пелагия и чёрный монах» — второй роман увлекательнейшей трилогии Бориса Акунина «Провинциальный детектив» о приключениях непоседливой и изобретательной монахини, способной распутать самое загадочное преступление.

В окрестностях Ново-Араратского монастыря появляется некий призрачный чёрный монах, пугая и даже убивая людей. Пелагия с жаром берется за дело и втайне от владыки Митрофания начинает собственное расследование...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-106166-1

© В. Акунин, автор, 2000
© ООО «Издательство АСТ», 2019

Пролог

ЯВЛЕНИЕ ВАСИЛИСКА

...в несколько широких шагов приблизился к монахине. Выглянул в окно, увидел взмыленных лошадей, расхристанного чернеца и грозно сдвинул свои кустистые брови.

— Крикнул мне: «Матушка, беда! Он уж тут! Где владыка?», — донесла Пелагия преосвященному вполголоса.

При слове «беда» Митрофаний удовлетворенно кивнул, как если б и не ожидал ничего иного от этого безмерно длинного, никак не желающего закончиться дня. Поманил пальцем ободранного, запыленного вестника (по манере, да и из самого крика уже ясно было, что примчавшийся невесть откуда монах именно что вестник, причем из недобрых): а ну, поднимись-ка.

Коротко, но глубоко, чуть не до земли поклонившись епископу, чернец бросил вожжи и кинулся в здание суда, расталкивая выходящую после процесса публику. Вид божьего служителя — непокрытого, с расцарапанным в кровь лбом — был настолько необычен, что люди оглядывались, кто с любопытством, а кто и с тревогой. Бурное обсуждение только что за-

кончившегося заседания и удивительного приговора прервалось. Похоже, что намечалось, а может, уже и произошло некое новое Событие.

Вот и всегда оно так в тихих заводах вроде нашего мирного Заволжска: то пять или десять лет тишь да гладь и сонное оцепенение, то вдруг один за другим такие ураганы задуют — колокольни к земле гнет.

Нехороший гонец взбежал по белой мраморной лестнице. На верхней площадке, под весами слепоглазой Фемиды замялся, не сразу поняв, куда поворачивать, вправо или влево, но тут же увидел в дальнем конце рекреации кучку столичных корреспондентов и две чернорясные фигуры, большую и маленькую: владыку Митрофания и рядом с ним очкастую сестрицу, что давеча стояла в окне.

Грохоча по гулкому полу сапожищами, монах бросился к архиерею и еще издали возопил:

— Владыко, он уж тут! Близехонько! За мной грядет! Огромен и черен!

Петербургские и московские журналисты, среди которых были и настоящие светила этой профессии, прибывшие в Заволжск ради громкого процесса, уставились на дикообразного рясофора с недоумением.

— Кто грядет? Кто черен? — пророкотал преосвященный. — Говори ясно. Ты кто таков? Откуда?

— Смиранный чернец Антипа из Арарата, — торопливо поклонился заполошный, потянулся скуфью сорвать, да не было скуфьи, обронил где-то. — Василиск грядет, кто ж еще! Он, заступник! Со скита исшел. Велите, владыко, в колокола звонить, святые иконы выносить! Свершается пророчество Иоанново! «Се, гряду скоро, и мзда моя со мною, воздати коемуждо по делом его!»! Конеч-ец! — завыл он. — Всему конец!

Столичные люди, те ничего, известия о конце света не испугались, только наострили уши и ближе к монаху придвинулись, а вот судейский уборщик, который уже начал в коридоре махать своей метлой, — тот от страшного крика на месте обмер, орудие свое уронил, закрестился.

А предвестник Апокалипсиса членораздельно говорить от тоски и ужаса более не мог — затрясся всем телом, и по мучнистому, обросшему бородой лицу покатались слезы.

Как всегда в критических случаях, преосвященный проявил действенную решительность. Применив древний рецепт, гласящий, что лучшее средство от истерики — хорошая затрещина, Митрофаний вlepил рыдальцу своей увесистой дланью две звонкие оплеухи, и монах сразу трястись и выть перестал. Захлопал глазами, икнул. Тогда, укрепляя успех, архиерей схватил гонца за ворот и поволок к ближайшей двери, за которой располагался судебный архив. Пелагия, жалостно ойкнувшая от звука пощечин, семенила следом.

На архивариуса, собравшегося было побаловаться чайком по случаю окончания присутствия, епископ только бровью двинул — чиновника как ветром сдуло, и духовные особы остались в казенном помещении втроем.

Владыка усадил всхлипывающего Антипу на стул, сунул под нос стакан с едва початым чаем — пей. Выждал, пока монах, стуча о стекло зубами, смочит стиснувшееся горло, и нетерпеливо спросил:

— Ну, что там у вас в Арарате стряслось? Сказывай.

Корреспонденты так и остались перед запертой дверью. Постояли некоторое время, на все лады повторяя загадочные слова «василиск» и «Арарат», а потом по-

немногу стали расходиться, так и оставленные в полнейшей озадаченности. Оно и понятно — люди всё были приезжие, в наших заволжских святынях и легендах не сведущие. Местные, те сразу бы сообразили.

Однако, поскольку и среди наших читателей могут случиться люди посторонние, в Заволжской губернии никогда не бывавшие и даже, возможно, о ней не слышавшие, прежде чем описать разговор, который произошел в архивном помещении, сделаем некоторые разъяснения, могущие показаться чересчур пространными, но для ясности дальнейшего повествования совершенно необходимые.

* * *

С чего бы уместнее начать?

Пожалуй, с Арарата. Вернее, с Нового Арарата, Ново-Араратского монастыря, прославленной обители, что находится на самом севере нашей обширной, но малонаселенной губернии. Там, среди вод Синего озера, по своим размерам более похожего на море (в народе его так и называют: «Сине-море»), на лесистых островах, издревле спасались от суеты и злобы святые старцы. По временам монастырь приходил в запустение, так что на всем архипелаге по уединенным кельям и пустынькам оставалась лишь малая горстка отшельников, но вовсе не угасал никогда, даже в Смутное время.

У такой живучести имелась одна особенная причина, именуемая «Василисков скит», но о ней мы расскажем чуть ниже, ибо скит всегда существовал как бы наособицу от собственно монастыря. Последний же в девятнадцатом столетии, под воздействием благоприятных условий нашего мирного, спокойно устроенного времени стал что-то уж очень пышно расцветать — сначала благодаря моде на северные святыни, распро-

странившейся среди состоятельных богомольцев, а в совсем недавнюю пору радением нынешнего архимандрита отца Виталия II, именуемого так, потому что в прошлом столетии в обители уже был настоятель того же прозванья.

Этот незаурядный церковный деятель привел Новый Арарат к доселе небывалому процветанию. Будучи приукажен заведовать тихим островным монастырем, высокопреподобный справедливо рассудил, что мода — особа ветренная и, пока она не обратила свой взор в сторону какой-либо иной, не менее почтенной обители, надобно извлечь из притока пожертвований всю возможную пользу.

Начал он с замены прежней монастырской гостиницы, ветхой и худосодержанной, на новую, с открытия превосходной постной кухмистерской, с устройства лодочных катаний по протокам и бухточкам, чтоб приезжие из числа состоятельных людей не спешили уезжать из благословенных мест, которые по своим красотам, чистоте воздуха и общей природной умиленности никак не уступают лучшим финским курортам. А потом, искусно расходуя образовавшийся излишек средств, принялся понемногу создавать сложное и весьма доходное хозяйство, с механизированными фермами, иконописной фабрикой, рыболовной флотилией, коптильнями и даже скобяным заводиком, изготавливающим лучшие во всей России оконные задвижки. Построил и водопровод, и даже рельсовую дорогу от пристани к складам. Кое-кто из опытных старцев зароптал, что жить в Новом Арарате стало неспасительно, но голоса эти звучали боязливо и наружу почти вовсе не просачивались, заглушаемые бодрым стуком кипучего строительства. На главном острове Ханаане настоятель возвел множество новых зданий и храмов, которые

поражали массивностью и великолепием, хотя, по мнению знатоков архитектуры, не всегда отличались непогрешительным изяществом.

Несколько лет назад ново-араратское «экономическое чудо» приезжала исследовать специальная правительственная комиссия во главе с самим министром торговли и промышленности многоумным графом Литте — нельзя ли позаимствовать опыт столь успешного развития для пользы всей империи.

Оказалось, что нельзя. По возвращении в столицу граф доложил государю, что отец Виталий является адептом сомнительной экономической теории, полагающей истинное богатство страны не в природных ресурсах, а в трудолюбии населения. Хорошо архимандриту, когда у него население особенное: монахи, выполняющие все работы под видом монастырского послушания, да еще безо всякого жалования. Стоит такой работник у маслобойной машины или, скажем, токарного станка и не думает ни о семье, ни о бутылке — знай себе душу спасает. Отсюда и качество продукции, и ее немислимая для конкурентов дешевизна.

Для Российского государства эта экономическая модель решительно не годилась, но в пределах вверенного отцу Виталию архипелага явила поистине замечательные плоды. Пожалуй, монастырь со всеми его поселками, мызами, хозяйственными службами и сам напоминал собою небольшое государство — если не суверенное, то, во всяком случае, обладающее полным самоуправлением и подотчетное единственно губернскому архиерею преосвященному Митрофанию.

Монахов и послушников на островах при отце Виталии стало числиться до полутора тысяч, а население центральной усадьбы, где кроме братии проживало еще и множество наемных работников с чадами и домо-

чадцами, теперь не уступало уездному городу, особенно если считать паломников, поток которых, вопреки опасениям настоятеля, не только не иссяк, но еще и многократно увеличился. Теперь, когда монастырская экономика прочно встала на ноги, высокопреподобный, верно, охотно обошелся бы и без богомольцев, которые лишь отвлекали его от неотложных дел по управлению ново-араратской общиной (ведь среди паломников попадались знатные и влиятельные особы, требующие особенного обхождения), но тут уж ничего поделывать было нельзя. Люди шли и ехали из дальнего далека, а после еще плыли через огромное Синее озеро на монастырском пароходе не для того, чтобы посмотреть на промышленные свершения рачительного пастыря, а чтоб поклониться ново-араратским святыням и первой из них — Василискову скиту.

Сей последний, впрочем, для посещений был совершенно недоступен, ибо находился на малом лесистом утесе, носящем название Окольного острова и расположенном прямо напротив Ханаана, но только не обжитой его стороны, а пустынной. Богомольцы, прибывавшие в Новый Арарат, имели обыкновение опускаться у воды на колени и благоговейно взирать на островок, где обретались святые схимники, молителю за всё человечество.

Однако про Василисков скит, а также про его легендарного основателя, как и было обещано, расскажем пообстоятельней.

* * *

Давным-давно, лет шестьсот, а может и восемьсот назад (в точной хронологии «Житие святого Василиска» несколько путается) брел через дремучие леса некий отшельник, про которого достоверно известно лишь, что звали его Василиском, что лет он был нема-

лых, жизнь прожил трудную и в начале своем какую-то особенно неправедную, но на склоне лет озаренную светом истинного раскаяния и жажды Спасения. Во искушение прежних, преступно прожитых лет взял монах обет: обойти всю землю, пока не сыщется места, где он сможет лучше всего послужить Господу. Иногда в каком-нибудь благочестивом монастыре или, наоборот, среди безбожных язычников ему казалось, что вот оно, то самое место, где должно остаться смиренному иноку Василиску, но вскорости старца брало сомнение — а ну как некто другой, пребывая там же, послужит Всевышнему не хуже, и, подгоняемый этой мыслью, которая безусловно ниспосылалась ему свыше, монах шел дальше и нигде не находил того, что искал.

И вот однажды, раздвинув густые ветви ельника, он увидел перед собой синюю воду, начинавшуюся прямо от края леса и уходившую навстречу хмурому небу, чтобы сомкнуться с ним. Прежде Василиску видеть так много воды не приходилось, и в своем простодушии он принял это явление как великое чудо Господне, и преклонил колена, и молился до самой темноты, а потом еще долго в темноте.

И было иноку видение. Огненный перст рассек небо на две половины, так что одна сделалась светлая, а другая черная, и вонзился во вспенившиеся воды. И громовой голос возвестил Василиску: «Нигде боле не ищи. Ступай туда, куда показано. Там место, от коего до Меня близко. Служи Мне не среди человеков, где суета, а среди безмолвия, и через год призову тебя».

В спасительном своем простодушии монах и не подумал усомниться в возможности осуществления этого диковинного требования — идти в середину моря, и пошел, и вода прогибалась под ним, но держала, чему Василиск, памятуя о евангельском водо-

хождении, не очень-то и удивлялся. Шел себе и шел, читая «Верую» — всю ночь, и после весь день, а к вечеру стало ему страшно, что не найдет он среди водной пустыни того места, куда указал перст. И тогда чернецу было явлено второе чудо кряду, что в житиях святых бывает нечасто.

Когда стемнело, старец увидел вдали малую огненную искорку и повернул на нее, и со временем узрел, что это сосна, пылающая на вершине холма, а холм восстает прямо из воды, и за ним еще земля, пониже и пошире (это был нынешний Ханаан, главный остров архипелага).

И поселился Василиск под опаленной сосной в пещере. Прожил там некоторое время в полном безмолвии и непрестанном мысленном молитвочтении, а год спустя Господь исполнил обещанное — призвал раскаявшегося грешника к Себе и дал ему место у Своего Престола. Скит же, а впоследствии образовавшийся по соседству монастырь был назван Новым Араратом в ознаменование горы, которая единственно осталась возвышаться над водами, когда «разверзошася вси источники бездны и хляби небесные», и спасла праведных.

«Житие» умалчивает, откуда преемники Василиска узнали про Чудо о Персте, если старец хранил столь неукоснительное молчание, но будем снисходительны к древнему преданию. Делая уступку скептицизму нашего рационалистического века, допускаем даже, что святой основатель скита добрался до островов не чудодейственным водохождением, а на каком-нибудь плоту или, скажем, на выдолбленном бревне — пускай. Но вот вам факт неоспоримый, проверенный многими поколениями и, если угодно, даже подтверждаемый документально: никто из схимников, селившихся в под-

земных кельях Василискова скита, не ожидал Божье-го призвания долгое время. Через полгода, через год, много через полтора все избранники, алкавшие спасения, достигали желаемого и, оставив позади кучку костяного праха, возносились из царства земного в Иное, Небесное. И дело тут не в скудной пище, не в суровости климата. Известны ведь многие другие скиты, где отшельники свершали еще не такие подвиги пустынножительства и плоть умерщвляли куда истовей, а только Господь прощал и принимал их гораздо неспешнее.

Потому и пошла молва, что из всех мест на земле Василисков скит к Богу самый ближний, расположенный на самой околице Царствия Небесного, отсюда и другое его название: Окольный остров. Некоторые, кто на архипелаг впервые приехал, думали, что это он так назван из-за близости к Ханаану, где все храмы и пребывает архимандрит. А он, островок этот, не от архимандрита, он от Бога был близко.

Жили в том ските всегда только трое особенно заслуженных старцев, и для ново-араратских монахов не было выше чести, чем завершить свой земной путь в тамошних пещерах, на костях прежних праведников.

Конечно, далеко не все из братии рвались к скорому восшествию в Иное Царство, потому что и среди монахов многим земная жизнь представляется более привлекательной, чем Следующая. Однако же в волонтерах недостатка никогда не бывало, а напротив имелась целая очередь жаждущих, в которой, как и положено для всякой очереди, случались ссоры, споры и даже нешуточные интриги — вот как иным монахам не терпелось поскорее переплыть узкий проливчик, что отделял Ханаан от Окольного острова.

Из трех схимников один считался старшим и посвящался в игумены. Только ему скитский устав раз-

решал отворять уста — для произнесения не более, чем пяти слов, причем четыре из них должны были непременно происходить из Священного Писания и лишь одно допускалось вольное, в котором обычно и содержался главный смысл сказанного. Говорят, в древние времена схиигумену не позволялось и этого, но после того, как на Ханаане возродился монастырь, пустытники уже не тратили время на добывание скудного пропитания — ягод, корней и червей (более ничего съедобного на Окольном острове отродясь не водилось), а получали все необходимое из обители. Теперь святые отшельники коротали время, вырезая кедровые четки, за которые паломники платили монастырю немалые деньги — бывало, до тридцати рублей за одну низку.

Раз в день к Окольному подплывала лодка — забрать четки и доставить необходимое. К лодке выходил скитоначальник и произносил короткую цитацию, в которой содержалась просьба, обычно практического характера: доставить неких припасов, или лекарств, или обувь, или теплое покрывало. Предположим, старец говорил: «Принесе ему и даде *одеяло*» или «Да принесется вода *грушева*». Тут начало речений взято из Книги Бытия, где Исаак обращается к сыну своему Исаву, а последнее слово подставлено по насущной надобности. Лодочник запоминал сказанное, передавал слово в слово отцу эконому и отцу келарю, а те уж проникали в смысл — бывало, что и неуспешно. Взять хоть ту же «воду грушеву». Рассказывают, однажды схиигумен мрачно изрек, показывая посох одного из старцев: «Излияся вся утроба его». Монастырское начальство долго листало Писание, обнаружило эти странные слова в «Деяниях апостолов», где описано самоубийство презренного Иуды, и ужасно перепугалось,

решив, что схимник свершил над собой худший из смертных грехов. Три дня звонили в колокола, строжайше постились и служили молебны во очищение от скверны, а после оказалось, что со старцем всего лишь приключилась поносная хворь и схиигумен просил при-слать грушевого отвара.

Когда старейший из пустынников говорил лодочнику: «Ныне отпускаеши раба Твоего», это означало, что один из отшельников допущен к Господу, и на образовавшуюся вакансию тут же поступал новый избранник, из числа очередников. Иногда роковые слова произносил не схиигумен, а один из двух прочих молчальников. Так в монастыре узнавали, что прежний старец призван в Светлый Чертог и что в скиту отныне новый управитель.

Как-то раз, тому лет сто, на одного из схимников напал приплывший с дальних островов медведь и принялся драть несчастного. Тот возьми да закричи: «Братие, братие!» Прибежали двое остальных, прогнали косолапого посохами, но после жить с нарушившим обет молчания не пожелали — отослали в монастырь, отчего изгнанный стал скорбен духом и вскоре помер, больше ни разу не растворив уст, но был ли допущен пред Светлые Господни Очи или пребывает среди грешных душ, неизвестно.

Что еще сказать про пустынников? Ходили они в черном одеянии, которое представляло собой род грубо тканого мешка, перетянутого вервием. Куколь у схимников был узок, опущен на самое лицо и сшит краями в ознаменование полной закрытости от суетного мира. Для глаз в этом остроконечном колпаке проделывались две дырки. Если паломники, молившиеся на ханаанском берегу, видели на островке кого-то из святых старцев (это бывало крайне редко и почиталось за особую

удачу), то взору наблюдающих предстал некий черный куль, медленно передвигающийся среди мшистых валунов — будто и не человек вовсе, а бесплотная тень.

Ну а теперь, когда рассказано и про Новый Арарат, и про скит, и про святого Василиска, пора вернуться в судебный архив, где владыка Митрофаный уже приступил к допросу ново-араратского чернеца Антипы.

* * *

«Что со скитом неладно, наши уж давно говорят. (Так начал свой невероятный рассказ немного успокоившийся от оплеух и чаю брат Антипа.) В самое Преображение, к ночи, вышел Агапий, послушник, на косу постирать исподнее для старшей братии. Вдруг видит — у Окольного острова на воде как бы тень некая. Ну, тень и тень, мало ль чего по темному времени привидится. Перекрестился Агапий и знай себе дальше полощет. Только слышит: будто звук тихий над водами. Поднял голову — Матушка-Богородица! Черная тень висит над волнами, оных словно бы и не касаясь, и слова слышно, неясственно. Агапий разобрал лишь: «Проклинаю» и «Василиск», но ему и того довольно было. Побросал недостиранное, понесся со всех ног в братские келии и давай кричать — Василиск, мол, воротился, собою гневен, всех проклятию предает.

Агапий — отрок глупый, в Арарате недавно, и веры ему ни от кого не было, а за брошенное белье, волною смытое, его отец подкеларь еще и за виски оттаскал. Но после того стала черная тень и другим из братии являться: сначала отцу Иларию, старцу весьма почтенному и воздержному, потом брату Мельхиседеку, после брату Диомиду. Всякий раз ночью, когда луна. Слова всем слышались различные: кому проклятие, кому увещевание, а кому и вовсе нечленораздельное — это уж смотря в какую сторону ветер дул, но видели все